

Тэйлор Брон. Религия и политика «Земля прежде всего!»»

Источник: [здесь](#). Опубликовано в: «Третий путь». — № 23. — С. 4-10.

Многие обозреватели считают принципиальным отличием EF! («Земля прежде всего!» — ред.) от других экологических групп воинственную тактику, используемую ими. На самом деле разница гораздо глубже. Их этика и деятельность опираются на биоцентрические убеждения, основанные на религиозных чувствах...

Недавний раскол в движении произошел не столько из-за несогласия в этих убеждениях, сколько из-за споров о стратегии и тактике. Несмотря на внутреннюю напряженность EF! и аналогичные радикальные группы, похоже, будут играть все более важную роль в предстоящей экологической борьбе.

Бомба, подложенная в автомобиль активистов EF! и проникновение ФБР и арест еще пяти-шести членов катапультировали эту группу в поле зрения широкой публики. Эти радикальные экологи готовы нарушать закон ради спасения дикой природы — они совершают акты гражданского неповиновения, останавливают вырубку деревьев, вбивая в них гвозди, убирают столбики, которыми строители отмечают свои площадки, или уничтожают бульдозеры — практика, которую они называют «экотаж» или «разборки» (в оригинале «манкиренчинг» — т.е. акция разводным ключом — ред.).

Как сторонники, так и противники EF! признают важность религии в экологических конфликтах. Один крайний пример мы находим в письме, написанном, предположительно, человеком, подложившим бомбу калифорнийской активистки EF! Джудди Бари, который, цитируя Гене́зис 1:26, пишет, что «этот одержимый демон Джудди Бари говорила толпе, что деревья — не божий дар людям, а что сами деревья — боги и срубить их — грех. Я почувствовал, что сила Господа шевелится в моем сердце и понял, что я был Избранным для уничтожения этого демона». Письмо заканчивается предупреждением другим почитателям деревьев, что их ждет та же судьба, поскольку «Я — мститель Господа». Неизвестно, подлинно это письмо или нет, хотя в нем есть доказательство того, что его написал именно тот человек — включая точное описание бомбы и трудно подделываемый рассказ, свидетельствующий о христианском фундаментализме и психической болезни. Независимо от того, подлинное это письмо или оно сфабриковано, чтобы отвести подозрение от истинного преступника, оно иллюстрирует, как за природоохранными противоречиями могут скрываться соревную-

щиеся духовные ценности.

Консервационист Олстон Чейс выражает ту же озабоченность, но без обертонов насилия. Он критикует «бездумный пантеизм» и «тайные ереси» радикальных экологов и жалуется, что воинствующие экологи некритически приняли высказанное Линн Уайт обвинение, что иудаизм и христианство создали антиприродные тенденции на Западе. Чейс считает, что статья Уайт дала природоохранному движению «призыв к духовной реформе», враждебной западной религии.

Хотя бойцы EF! отвергают организованную религию и многие из них недолюбливают ярко выраженные религиозные ритуалы и песни, ставшие теперь очень популярными в движении, большинство все же говорит о «духовной» связи с природой. Члены EF! часто утверждают, что необходимо вновь сделать природу священной. И действительно, сердце и душа EF! лежат в радикальном «экологическом сознании», которое интуитивно испытывает глубокое чувство священности и взаимосвязи всего живого. Из этого чувства идут и утверждения, что всему живому, и даже целым экосистемам, присуща внутренняя ценность.

Мифы EF!

Все религиозные традиции используют миф, символ и ритуал: мифы обычно описывают, как произошел мир (космогония), как он устроен (космология), что такое люди и на что они способны и не способны (моральная антропология) и что случится в будущем (эсхатология). Теория эволюции дает первичную космогонию, которая является источником «биоцентрической этики» или «глубинной экологии», исповедуемой EF!. Если все биологические виды прошли через один и тот же процесс, и ни один не был создан для особой цели, то, отмечает философ из EF! Кристофер Мэйнс, метафизическое обоснование антропоцентризма исчезает вместе с идеей, что человек находится на вершине «великой цепи существ» и правит миром. «Если всерьез говорить об эволюции, — заключает Мэйнс, — то нет основания рассматривать человека как существо, развитое выше других видов. Homo sapiens — не цель эволюции, так как насколько нам известно, у эволюции нет цели, она просто разворачивается — одна форма жизни за другой...». Этическое значение этой космогонии заключается в том, что, поскольку эволюция породила жизнь во всем ее многообразии, то эволюционный процесс сам по себе обладает наивысшей ценностью. Главный приоритет EF! отдает охране и восстановлению природной окружающей среды, так как она дает необходимый генетический набор для продолжения эволюции.

Но это еще не дает ответа на вопрос: почему все-таки мы должны в первую очередь заботиться об эволюции, или о дикой природе? Мэйнс, выводя человека из центра внимания морали, не объясняет, в чем же состоят истинные ценности. Именно поэтому в EF! так много думают о духовности — она должна стать критерием оценки эволюционного процесса и сравнения порождаемых им форм жизни. Сам Мэйнс ищет корни «глубинной экологии» и EF! в «глубоком духовном притяжении людей к природе». Даже сторонники биоцентрической этики, во много основанной на эволюционной космогонии, часто прибегают к религиозным метафорам, объясняя свои чувства.

Некоторые течения в EF! явно религиозны и возводят происхождение своих биоцентрических чувств к даосизму, буддизму, колдовству или языческому обожествлению земли. Среди них есть даже несколько христианских природных мистиков. Однако, наиболее важный духовный источник активистов EF! напоминает то, что историк религии Аманда Портерфилд называет «духовностью американских индейцев». Это «контркультурное (и религиозное) движение, приверженцы которого считают себя противниками культурной системы американского общества». Центральные постулаты этой духовности, говорит Портерфилд, «включают осуждение американской эксплуатации природы и отношения к индейцам, положительное отношение к доколониальной Америке, как к священному месту, где природа и люди существовали в гармонии и изобилии, уверенность в том, что образ жизни американских индейцев противоположен американской культуре и превосходит ее по всем параметрам и вера в то, что индейский образ жизни может служить для обновления американской культуры».

Лучшим названием для убеждений EF! будет первобытная духовность, так как участники EF! верят, что мы должны заимствовать опыт из бесхитростной жизни различных первобытных народов, не только североамериканских. Больше того, не только доколониальные американские ландшафты священны, но дикая природа вообще, где бы она ни сохранилась или не была бы восстановлена.

Многие члены EF! называют себя трайбалистами, а большинство приверженцев «глубинной экологии» верят, что первобытные племена могут дать нашему обществу основу для новой религии, философии и отношения к природе. Больше того, члены EF! все чаще обсуждают важность ритуала для любого племенного «общества воинов». На встречах, проходящих на природе, они иногда устраивают ритуальные воинственные танцы, имитируя при этом волчий вой. Действительно, волки, медведи — гризли и другие животные исполняют роль тотемов, символизирующих мистическое родство между племенами и звериными народами.

Коренные американцы (индейцы — прим. перев.) часто воспринимают животных как родственные «народы» и через «ритуальные вхождения» расширяют границы общества и морали за пределы человеческого общества. Некоторые члены EF! разработали свои собственные «ритуалы вхождения», так называемые «Советы всех Существ», на которых проводятся ритуалы, устанавливающие духовную связь человека с другими существами и даже со всей планетой. Во время этих ритуалов люди представляют себе, что в них входит дух какого-нибудь существа, или даже скалы или реки, и высказывают свою боль от дурного обращения со стороны людей. Воплощая в себе животных, участники призывают к доброте и гармоничным отношениям между всеми гражданами экосистемы. Экстатические ритуальные танцы, изображающие межвидовое и даже планетарное единство, могут продолжаться всю ночь напролет. Такие ритуалы обостряют чувство того, что все в мире взаимосвязано и священно.

Мыслить как гора

Один из центральных мифов зарождающейся традиции EF! был заимствован из эссе Олдо Леопольда «Мыслить как гора», написанного в 1949 г. Он начинается с того, что предполагает, что гора обладает мышлением более высоким, нежели наше. Затем он описывает ощу-

щение однажды испытанное им, когда он подходил к застреленному им волку, как раз «вовремя, чтобы заметить в его глазах умирающий зеленый огонь. Я понял тогда, и с тех пор всегда знал, что в этих глазах было что-то новое для меня — что-то известное только ему и горе. Я был молод тогда... Я думал, что чем меньше волков, тем больше оленей, что если не будет волков, это будет раем для охотников. Но увидев, как угасает зеленый огонь, я почувствовал, что ни волк, ни гора не согласны с этим».

У членов EF! эта история развилась в мифообразную басню с моралью, в которой волк общается с человеком, подчеркивая родство всей жизни. (Общение человека с животными — обычная тема в первобытных религиозных мифах, а превращение человека в животное и наоборот — часть шаманизма. Многие члены EF! говорят об интересе к шаманизму). «Зеленый огонь» волка стал символом жизни среди дикой природы, как части ритуала. Вскоре после основания группы несколько активистов EF! провели контрольную поездку «Зеленого огня» с представлениями и встречами биоцентристов. «Дакота» Сид Клиффорд, бывший певцом в этих представлениях, называет все это «экоивангелизмом». Клиффорд вспоминает, что после этих представлений люди часто подходили к нему со слезами на глазах. Новообращенные желали узнать, как им смыть с себя грехи против природы. Во время этих представлений человек, изображавший волка, просил людей отказаться от разрушения и почитать Землю и всех ее обитателей. Некоторые представления кончались дружным воем зрителей, символизировавшим идентификацию с волками и дикой природой вообще.

Танец эковоинов, происходящий на сборах EF! и описанный в одноименной газете, состоит из «бьющих барабанов, обнаженных неандертальцев и диких животных. Индустриальная машина была (символически) остановлена детьми, размахивающими гаечными ключами. Почти все участвовали в первобытном восхвалении дикой природы». Рассказывая о том, как воины покидали праздник, автор восклицает: «Зеленый огонь все еще жив и свободен, когда мы рассеиваемся по всей стране». Так первобытная духовность объединяется с мыслью, что настоящая человеческая жизнь — это жизнь на природе под защитой Матери Земли.

Охота за бульдозерами

Экотаж, разумеется, выполняется не только символически, в ритуальном танце: экотаж и гражданское неповиновение сами по себе ритуальные действия. Некоторые участники EF! признают это. Лидер EF! Дэйв Формэн, хотя иногда и объявляет себя атеистом, тем не менее говорит об экотаже как о ритуальном акте: разборки — это «форма почитания земли. Это очень вдохновляющая штука, когда ее делаешь». Религиозные ритуалы превращают обычное в священное, даже изменяют состояние сознания. Ритуалы EF! ничем от них не отличаются. Другой член EF! экстатически объясняет: «Когда проводишь акцию, с тобой происходит что-то волшебное. Ты можешь не спать всю ночь, а потом быть настороже весь день. Появляется чувство магии, спокойствия, ясности. Это настоящая жизнь». Джон Дэйвис, редактор газеты EF!, предложил разработать ритуал принятия, в котором использовались бы прямые действия: «Ритуал принятия в племя жизненно важен для первобытных культур... так почему бы не возобновить обряд инициации и другие обряды в форме акций самозащиты? Подростки могли бы заслужить право называться взрослыми, успешно завершив ритуальную охоту, как в старые времена, только дичь будет новой — бульдозеры и иже с ними».

Экофеминизм — еще один источник EF!-овского почитания природы. Его идеи были включены в литургию EF!: многие песни-гимны, которые можно услышать на собраниях, высмеивают отношение мужчин к природе и к женщинам, оплакивают убийство ведьм мужчинами и прославляют различных языческих богинь земли.

Экофеминизм и первобытная духовность — близкие родственники еще одного движения — биорегионализма, контркультурного движения, связи которого с EF! в последнее время усиливаются. Биорегионализм видит будущее в сообществах всех существ, живущих гармонично и просто в пределах различных экосистем. Он критикует индустриальные общества, основанные на концепции роста, предпочитая им локальную, самоснабжающуюся и экологически устойчивую экономику с децентрализованным политическим самоуправлением. Биорегионалисты разделяют мнение EF! о ценности и взаимосвязи всей жизни. Духовные воззрения биорегионалистов очень близки первобытной духовности EF!.

Членов EF!, естественно, очень привлекает биорегионализм. Дэйв Формэн даже предположил, что биорегионализм это просто еще одно обозначение идеала EF! : «примитивного будущего». Он добавил также, что EF! может служить биорегиональной милицией, ополчением: когда биорегионалисты живут в каком-то месте и становятся этим местом, они должны защищать его с помощью воинственной тактики EF!.

Предвидение экоколлапса

Но перед тем, как биорегионализм начнет процветать, считают многие EF!-овцы, индустриальное общество должно сколлапсировать из-за собственной экологической неустойчивости. Теория, согласно которой общество создает экологическую катастрофу, содержа в себе зародыш своего будущего разрушения, является ключевой частью еще одной мифологической структуры EF! — апокалиптической эсхатологии. Если после долгих страданий выживает достаточная часть генетического фонда планеты, эволюция продолжит свой естественный ход. Если люди также выживут, у них будет шанс восстановить племенной образ жизни, как например, биорегионализм, который совместим с эволюционным будущим. Эдвард Эбби, чья повесть «Банда гаечного ключа» помогла сформировать движение, дает следующий пример эсхатологии EF!: «Неважно, называется оно (индустриальное общество) капитализм или коммунизм... (оба) уничтожают природу и себя... Я предсказываю, что военно-промышленное государство исчезнет с лица земли в ближайшие 50 лет. Вера в это — основа моего врожденного оптимизма, источник моей надежды на будущую более высокую цивилизацию: рассеянные поселения людей с умеренным населением, живущие рыболовством, охотой, собиранием пищи, мелким фермерством, собирающиеся раз в год в руинах покинутых городов для проведения фестивалей морального, духовного и интеллектуального обновления — народ, для которого природа не площадка для игр, а их естественный и родной дом».

Итак, пока биорегионализм концентрирует свое внимание на разработке моделей будущего, многие сторонники EF! считают, что биорегионализм не сможет воплотиться в реальность без предварительного экоколлапса. Так, говоря о биорегионализме, Формэн критикует большинство биорегионалистов, «погрязших в компосте, органических садах, ремесленничестве, переработке утильсырья» и т.п. Хотя, говорит он, «все... это важно, но биорегионализм —

это больше чем практика, это освящение (Земли) и самооборона».

Даешь бу-бу!

Остановиться здесь — значило бы дать неверную картину. Безусловно, биоцентристские и эволюционные взгляды, первобытная духовность, восточные религии и целый паноптикум различных духовных течений внесли свою лепту в формирование мировоззрения EF!. Конечно, многие EF!-овцы не доверяют разуму, беря свои фундаментальные предпосылки их интуиции и ощущений: любовь к диким, священным для них местам и проистекающего из нее гнева при виде разрушений этих мест. Разумеется, традиция развивалась, впитывая и вырабатывая великое множество мифов, символов и ритуалов. Но и доводы разума не забыты: экология как наука и политический анализ свойственны работе EF!. Многие в движении озабочены излишним вниманием к духовной стороне дела, которую они называют «бу-бу».

Джон Дэйвис, который сам несет ответственность за множество дискуссий о духовности и ритуалах предостерегает: «Кажется, духовный подход к планете и ее проблемам растет... В последнем выпуске нашей газеты эта тенденция заметна. Там было много статей о священных местах, ритуалах и прочем, но очень мало статей, имеющих отношение к природе. (Мы почти сменили наш лозунг «Никаких компромиссов в защите Матери-Земли» на «Даешь бу-бу»...) Священные места, ритуалы и вопросы личного развития важны... Но EF! может потерять эффективность, если будет заниматься этим в ущерб испытанной временем практике экологических разработок... и другой логической деятельности».

Экологическая наука дала толчок первой волне логической деятельности EF!. «Мы находимся в состоянии войны, — прямо говорит Формэн, — войны индустриального общества против мира природы. Если вы посмотрите на то, что пишут ведущие ученые, вы узнаете, что мы можем потерять треть всех биологических видов в ближайшие 40 лет... Мы живем в один из крупнейших эпизодов вымирания живых существ за три с половиной миллиарда лет эволюции». Подобный анализ вместе с духовным ощущением ценности нетронутых экосистем приводит к радикальной критике как индустриального общества, так и человеческого размножения.

Нам нужен не только биорегиональный трайбализм как новый принцип организации общества, но и отсутствие вклада в прирост населения как тест для включения в племя. Газета EF! полна призывов размножаться меньше и даже иногда печатает статьи, защищающие геноцид в качестве средства против перенаселения. (На одном из собраний какая-то женщина спросила меня: «Как можно оправдать семью, имеющую двоих детей?». Беседы — это мощное средство распространения прокреативной ортодоксальности в движении). Основу прокреативной этики хорошо сформулировал Чим Бли: «Затраты на ребенка, родившегося в семье из нашего среднего класса, эквивалентны затратам на 40 детей в третьем мире — включая вырубку старых деревьев, усиление нагрузки на удаленные пастбища, ирригационные проекты по обводнению пустынь... Подумайте, прежде чем обзаводиться ребенком. Еще один вызывающий страдания. Еще один страдающий. Стерилизуйтесь сейчас». Некоторые юмористы даже предложили использовать презервативы в качестве пропуска на встречи EF!.

Политический анализ породил вторую волну логической деятельности EF!. Основатели EF! были обозленные консерваторы, зализывающие свои раны после проигранной битвы против акта федерального правительства о пересмотре и переоценке диких местностей 1980 года. Лоббисты пришли к выводу, что правительство охраняет только «скалы и лед», а не районы, наиболее важные для сохранения биологического многообразия. Больше всего они были удивлены тем, что в то время, как они обращались к здравому смыслу, обосновывая свои предложения доводами экологической науки, их оппоненты действовали как сумасшедшие, переводя дебаты в плоскость таких «святых» понятий, как частная собственность и «американский образ жизни». Больше того, несмотря на их умеренность, их окрестили «экологическими экстремистами». Итак, решили они, раз доводы разума часто отвергаются, то, возможно, нужна группа диких безрассудных фанатиков. Общей стратегией было создать группу настоящих экстремистов и тем самым усилить фланг обычных зеленых организаций, которые выглядели бы более умеренными. В дальнейшем они захотели проводить линию «глубинной экологии», которая отнюдь не вдохновляла обычных экологов, и поднять уровень дебатов от охраны зрелищных мест до сохранения биологического многообразия. По их мнению это требует защиты и приведение обширных территорий в их природное состояние. Группы основного направления вообще редко предлагали восстановление, и уж никогда — в крупных масштабах.

Кроме попыток предоставить самим своим присутствием козырную карту обычным экологам, EF! начала экспериментировать с гражданским неповиновением и «разборками» в качестве согласованной стратегии с целью защитить биологическое многообразие и увеличить уровень экологической озабоченности.

Гражданское неповиновение и особенно уничтожение оборудования, используемого для разрушения природы, драматическим образом продемонстрировали моральные принципы движения: биологическое многообразие важнее чрезмерных желаний и собственности жадных людей.

Нарушая закон

Когда люди нарушают закон, руководствуясь при этом совестью, особенно в формально демократическом обществе, они чувствуют необходимость морально оправдать свои действия. Обычные оправдания, к которым прибегают сторонники EF!, могут быть в общем описаны как «все очень плохо»; представительная демократия — это подделка, поскольку ее контролируют преступники — предпринимательская банда и ее соучастники в правительстве, которые нагло насилуют землю. «Природа — наш дом, и незаконные прямые действия оправдываются необходимостью самозащиты». Что касается экологических групп, то их попытки сохранить биологическое многообразие провалились, поскольку они опирались на антропоцентристские и индустриальные предпосылки современной культуры. Хуже того обычное инвайронментальное движение было захвачено хорошо оплачиваемыми бюрократами и адвокатами, которые больше заботились о своих карьерах, нежели о Земле. Основное течение экологизма было куплено, а природа — продана.

Гражданское неповиновение первоначально считалось тактикой затягивания времени: «в надежде что (в будущем) информированные нами граждане когда-нибудь более полно поймут необходимость сохранения природных ресурсов»; в ближайшем же будущем эта тактика должна дать время одержать победы в судах и собрать материалы для судебных дел («бумажные разборки»). Экотаж тоже считался средством для оттягивания или предотвращения разрушения дикой природы, а опять-таки, в ближайшее время он должен был дать шанс сохранить хоть частично биологическое многообразие. «Когда беспомощно трепыхающийся зверь», как Хеви Волк называет индустриальное общество, «наконец-то ко всеобщему благу захлебнется собственным дерьмом, останется хоть какая-то часть дикой природы, которая послужит семенем восстановления всей планеты».

Столь же важным объяснением экотажа стала и идея о том, что вредительство действительно может содержать разрушительную деятельность — вышибая из бизнеса самых злостных разрушителей Земли, уничтожая их прибыли замедлением темпа их работы и ликвидацией их орудий. Ранние опыты, во время которых некоторые активисты нашпиговывали деревья гвоздями и тем самым сорвали несколько сделок по продаже леса, убедили многих участников EF! в том, что экотаж может быть эффективным.

Другие же участники движения сильно сомневались в эффективности экотажа. Разногласия по поводу вредительства привели к недовольству внутри движения и к первому расколу в движении со времени его основания в 1980 году.

Раскол в EARTH FIRST!

Некоторые обозреватели, такие как Майкл Парфит, считают, что напряженность в движении возникла между «прагматической» и «духовной» фракциями. Но, хотя некоторые действительно не в ладах с духовностью в движении, подавляющее большинство все же с уважением относится к различным формам сакрализации Земли. Мы уже отмечали духовную сторону Формэна, но Парфит относит его к подозреваемым прагматикам. Возможно Парфит был введен в заблуждение фразой Формэна «Все эти бу-бу не для меня», и не придал внимания ее продолжению: «но биологическое разнообразие хорошая вещь». Однако, не все формы духовности ортодоксальны. Сторонники EF! часто высмеивают духовность «Новой эпохи» за ее антропоцентризм и излишне оптимистичный взгляд на роль человека в приближении нового золотого века с помощью технологии.

Дэйв Формэн, Кристофер Мэйнс и некоторые другие крупные фигуры EF! недавно заявили об уходе из движения. В некоторых своих выступлениях они неосторожно обвинили соперничающую фракцию, базирующуюся в основном в Калифорнии и Орегоне, в отказе от биоцентризма. Калифорнийско-Орегонская фракция под предводительством Джудди Бари, Дэррил Черни и Майка Россела (один из основателей движения недавно стал сотрудником GREENPEACE), они в свою очередь, на повышенных тонах заявили, что фракция Формэна — мизантропическая, расистская, элигаристская и игнорирует вопросы социальной справедливости, неразрывно связанные с биоцентристской концепцией. Лучше все-таки рассказать об этом споре более объективно и точно, не прибегая к описаниям, даваемым одной партией — другой в пылу словесной битвы. По моему мнению, раскол основан скорее на разногласиях

по поводу стратегии и тактики, чем на фундаментальных различиях в области морали: обе фракции остаются на позициях биоцентризма (например портрет, нарисованный мной выше, относится к обеим фракциям).

Я называю фракцию Формэна/Мэйнса «дикарями», потому что они стараются обращать внимание EF! исключительно на дикую природу, а тем самым, по их мнению, на биологическое многообразие и биоцентризм. (Новый журнал, который они начали издавать в 1991 году, называется «Дикая Земля»). «Дикари» считают, что привязывать охрану природы к другим вопросам, таким как социальная справедливость, антиимпериализм или права рабочих, означает отпугивать многих потенциальных сторонников. Они также часто называют себя истинными патриотами, пытаясь сохранить святыне ландшафты Америки. Иногда они поднимают американский флаг, но не из национализма (поскольку система морально обанкротилась), но потому, что они верят, что флаг может символизировать любовь к земле, которая полностью отвечает их настроениям. К тому же, как однажды сказал мне Формэн, они не хотели бы оставлять мощь этого символа целиком в руках таких убийц земли, как Рональд Рейган и Джеймс Уотт (печально знаменитый секретарь по внутренним делам Рейгана).

Группу, противостоящую «дикарям», я прозвал «святошами» — это группа Бари, Черни и Россела, которая настаивает на том, что необходимо исследовать, как угрозы биологическому многообразию связаны с другими социальными проблемами. (Название «святоши» им подходит тем более, что они тяготеют к более открытому выражению своих духовных устремлений). «Святоши» придерживаются мнения, что активизм, основанный на разделении экологических и социальных моментов, неизбежно потерпит неудачу, так как биологическое многообразие уничтожают не только коммерческие вторжения в биологически богатые природные области, но и само индустриально общество. Согласно Джудди Бари, концепция «глубинной экологии» подчеркивает взаимозависимость природы и общества, а концентрация внимания на дикой природе «противоречит самой теории биоцентризма». Бари продолжает, говоря о том, что нужно бороться одновременно против эксплуатации природы и классов: «Наше общество было построено на эксплуатации как низших классов, так и земли».

Таким образом спор идет по следующему вопросу — должно ли движение EF! отдать относительный приоритет социальным проблемам, которые на первый взгляд могут показаться не связанными с проблемами экологическими.

Тактические разногласия

С этим спором связана и дискуссия, считать ли наиболее эффективной тактикой гражданское неповиновение или экотаж, а также дебаты о конечной цели прямых действий: создать массовое движение или помешать коммерческим нашествиям в биологически чувствительные зоны.

«Святоши» считают стратегической целью создать массовое движение, чтобы прекратить разрушение природы, и в конце концов вообще вытеснить индустриальный образ жизни. Они убеждены, что гражданское неповиновение, смысл которого — подъем экологического

сознания в обществе — наилучшая стратегия для массового движения. Хотя многие «святоши» в свое время отдали дань «разборкам», да и сейчас не отвергают их полностью, они считают, что не стоит преувеличивать их значение. Некоторые думают, что «разборки» чаще всего приносят больше вреда, чем пользы. «Святоши» полностью отвергли практику забивания гвоздей в деревья, опасаясь, что лесорубы могут получить ранения, а их усилия организовать массовое движение пойдет прахом. Россел жалуется, что «Формэн не понимает, что с помощью гражданского неповиновения мы сегодня можем сделать больше, чем с помощью «разборок»». Джудди Бари добавляет: «Я не думаю, что люди, прокрадывающиеся по лесам, чтобы насыпать песку в бензобак бульдозера, могут обеспечить нужный уровень давления... Единственное, что приносит изменения, это страх утратить контроль над обществом». Чтобы спасти Землю, считает она, мы должны расширить свою деятельность за пределы среднего и высшего среднего белых классов, так как это «именно они больше всех выигрывают от разрушения Земли».

«Дикари», в свою очередь, предпочитают гражданскому неповиновению «разборки», надеясь помешать индустриальному обществу и сохранить столько дикой природы и биологического многообразия, сколько возможно, по крайней мере до тех пор, пока не грядет экологический коллапс, который введет людей в новый, более простой и скромный образ жизни. Они, в основном, считают, что возможности тактики гражданского неповиновения сильно преувеличены. «Дикари» убеждены, что гражданское неповиновение попросту непрактично, поскольку EF!овцы обычно бедны и не могут себе позволить быть арестованными и оштрафованными. Этот аргумент стал значительно сильнее, когда несколько активистов проиграли судебное дело, возбужденное против них после блокады вырубки леса — они должны были выплатить компании 58000 долларов в качестве компенсации за ущерб и штрафа. Формэн настаивает, что удачное вредительство не подвергает участников такому риску и может быть «исключительно эффективным».

Технологические различия

Мне кажется, что корни описанного выше раскола уходят в малые, но значительные различия в эсхатологии и мнениях относительно человеческой природы. «Святоши» более оптимистичны, нежели «дикари» в том, что касается возможности обращения человечества в биоцентризм и изменения образа жизни людей. (Они испытали большое влияние идей «гуманистического потенциала» и менее враждебно настроены к верованиям и представлениям «Новой эпохи», чем «дикари»). Короче говоря, они еще не разочаровались полностью в возможности добровольного самореформирования человечества.

«Дикари» же скептически настроены по отношению к людям. Они презирают то, что они называют гуманизмом «святош» — что гневно отвергают таких «святош» как Джудди Бари, которая говорит, что и она и другие часто подвергали себя опасности и были ранены во время своих акций по спасению лесов. Бари называет Формэна и прочих мужскими шовинистами, а некоторые другие называют их даже фашистами. «Дикари» либо разочаровались в реформах, либо не верят в их эффективность. Они скорее склонны верить в возможности Матери-Земли. В их более апокалиптическом представлении, экоколлапс, видимо, неизбежен, но если они внесут свою лепту в создание помех индустриальному разрушению, то это может быть

не так плохо. Экоколлапс может быть способом самозащиты Матери-Земли — средством избавления от человеческого индустриального рака и создание условий, нужных людям для выработки нормальных способов ведения хозяйства.

Наконец, раскол был связан с разными уровнями приверженности ненасилию. Отвечая на вопрос об этике «разборок», члены EF! выдвинули два варианта ответа: во-первых, «Никому не вреди. Не дай себя поймать. Если поймали, не стучи»; во-вторых, «Не дай себя поймать. Никому не вреди. Если поймали, не стучи». Эти два лозунга отражают еще один источник напряженности в движении: обе фракции придерживаются принципа ненасилия, но «святоши» отдают ему приоритет. «Дикари» побаиваются, что ненасилие, основанное на пацифистском гуманизме, может противоречить самой природе и биоцентризму. Люди — это животные, и могут быть ситуации, когда выживание зависит от эмоционального ответа. В одной статье было высказано мнение, что насилие может привести к меньшей сумме насилия в итоге, оно может оказаться необходимым, чтобы хирургическим путем избавиться от «гангрены, которой заражена Земля».

Несмотря на эти трения и недавний раскол, радикальных экологов гораздо больше объединяет, чем разъединяет. Все они разделяют глубоко духовный биоцентризм, все они почитают множество мифов, символов и ритуалов зарождающейся глубокой экологии и сомневаются в готовности системы, или в ее желании ответить нужным образом на надвигающуюся экологическую катастрофу и все они — приверженцы незаконных прямых действий для спасения генофонда планеты. Как «святоши», так и «дикари» верят, что именно их тактика наиболее успешна. При условии тщательной подготовки обе эти тактики действительно можно считать подающими самые большие надежды.

Перспективы радикального инвайронментализма

Некоторые участники EF! надеются, что основа этики изменится с антропоцентризма на биоцентризм, а этика господства — на этику почтения к земле. Кое-кто надеется даже, что это изменение произойдет в 1990-е годы и «заставит 60-ые выглядеть, как 50-ые». Но реальная оценка влияния и перспектив таких движений — трудная эмпирическая задача. EF! действительно обращает на себя внимание. Одним из проявлений этого внимания является проникновение ФБР в ряды участников. Другое доказательство серьезности EF! можно найти в отчетах об ущербе, нанесенном «экоатажниками», который заставил некоторые компании увеличить затраты на охрану, а в некоторых случаях нанимать своих агентов для слежки за радикальными зелеными.

Было бы преждевременно давать сколько-нибудь определенную оценку успешности действий подобных групп, тем более, что оценка будет зависеть от используемого подхода. Дэвид Формэн говорит, что спасение одного дерева или одного акра, на котором обитают волки или гризли, уже достижение. У тех, кто желает добиться возникновения массового движения, критерии успеха более высоки, но они тоже могли бы указать на некоторые победы,

одержанные с помощью прямых действий. Широко распространено мнение, что движение EF! впервые привлекло внимание и открыло дебаты по многим, прежде игнорировавшимся экологическим проблемам. Многие группы, принадлежащие к основному течению зеленого движения признают, что их позиции были усилены уже тем, что существует такая безрас- судная организация, как EF!. Эти группы основного течения все чаще, хотя и негласно информируют EF! о возможностях для их уникальной в своем роде деятельности. Один из руководителей американских индейцев однажды в частной беседе сказал мне, что он был очень рад, когда EF! провела кампанию, прервавшую коммерческую деятельность, угрожав- шую его резервации.

С другой стороны, некоторые считают, что экотаж приносит больше вреда, чем пользы. На это Т.О.Хелленбах отвечает:

«Обвинения, что «разборки» отпугивают широкую публику, проистекают из неполного пони- мания пропаганды и истории. Научные изыскания в области пропаганды показывают, что подавляющее большинство людей помнит новости только в общих чертах... Единственное, что остается, это основные понятия типа «противостояние вырубке лесов». История же гово- рит, что прямые действия находят столько же сторонников, сколько и противников... Боль- шинство же нерешительно топчется между двумя конфликтующими позициями».

Я же считаю, что радикальные зеленые достигают своей цели, расширяя набор обсуждае- мых тем, таким образом подтягивая среднее арифметическое общественного мнения ближе к точке зрения самих экологов, ближе, чем оно было бы без радикалов. Если это так, то вли- яние EF! и аналогичных групп будет усиливаться, по мере их роста и усиления сопротивле- ния. Разумеется, будет и негативная реакция. Но в основном, противники радикальных групп будут из числа уже враждебно настроенных к экологическому движению, то есть общественное мнение не будет сдвигаться в сторону противников зеленых.

Более важно, однако, что рост числа приверженцев биоцентристской этики вообще и этого движения в частности приведет к увеличению их влияния в Северной Америке. За десять лет газета EF! набрала свыше 15000 регулярных читателей. Появилось множество мелких изданий. Очень сильно выросли ряды похожих, но менее воинственных групп, включая GREENPEACE и группы освобождения животных. Радикальные экологические группы появля- ются и за границей, более того, наиболее смелые акты экотажа происходили именно за пре- делами Соединенных Штатов. По мере того, как растет ущерб природе, наносимый индуст- риальным ростом, будет расти и ярость зеленых — собственно, она только зарождается. В зависимости от точки зрения, воинственность EF! дает либо надежду, либо зловещие предз- наменования зеленого будущего.

Версия #2

Зверобой создал 20 августа 2025 20:43:48

Зверобой обновил 20 августа 2025 20:51:59